

Евгений МАТВЕЕВ:

«За что казнят мое поколение?»

На концертах он выходит на сцену в роли шолоховского героя. Но что поделаешь, время меняет отношение к созданным артистом образам — вот уже и Макар Нагульнов, не столь однозначно воспринимаемый — и людям хочется поделиться сомнениями, поспорить с артистом. Они ждут Матвеева перед концертами, приходят к нему за кулисы, провожают до машины... По-моему, ему так ни разу и не удалось избежать непростых разговоров о том, как жить дальше и в перерыве спо-

койно перекурить в сторонке. А когда недавно после одного выступления к актеру подошел пожилой человек с наградами на всю грудь и, не скрывая волнения, крепко пожал руку со словами: «Спасибо, что еще есть Вы, тот, кто поднимает наш дух», я поняла: народный артист СССР Евгений Матвеев по-прежнему любим. Думаю, и читателям «Правды Украины» будет небезынтересно узнать, о чем болит душа этого человека, какие мысли не дают спать по ночам.

ное желание, Виктор Мережко, кстати, пообещал написать для меня специальный сценарий.

— О чем же, если не секрет?

— Современная тема, но я не хочу пока об этом говорить. Могу только заверить, что опять все будет замешано на человеческой красоте. У Белинского есть замечательные слова: «Люди не звери и не ангелы. И любить их должно не животным, не платонически, а по-человечески».

— Вы могли бы, наверное, это сказать о вашей роли в фильме «Воскресение» и о ваших режиссерских работах: фильмах «Любовь земная», «Судьба», которые были настоящими киношлягерами 70-х годов. А «Чаша терпения», она тоже об этом?

— К этому фильму меня подтолкнул тот отвратительный случай, о котором я уже упоминал. Все началось в общем-то достаточно банально. Зашел как-то в магазин, огромная очередь: дают сосиски. Пристроился в хвосте. Вдруг появляются два подвыпивших парня, из тех, кто не любит ждать и начинают лезть вперед. «Как вам не стыдно, ребята». — не выдержал стоящий передо мной пожилой человек. «А ты, батя, наверняка из застоя», — заржали верзилы, — а раз из застоя, стой и жди молча, что нарабатал, то и получай». Скрипнул старик протезом, вышел вперед и поклонился тем хлопцам: спасибо, мол, сынки, за науку.

Ударило меня в самое сердце. Это мы так поняли демократию, плюрализм? Можем оскорблять старика, женщину. Как мне защитить мое поколение? Оно войну вынесло на своих плечах, страну возрождало своими руками. За что его оскорбляют? Лихорадочно стал искать материал. Душа моя была переполнена, но я не писатель. Случайно наткнулся на очерк об одном егере — человеке моего поколения. Очерк и стал основой сценария. Герой фильма — пожилой мужик, у которого умерла жена, а сын погиб в Афганистане. Его везде гонят, он неугоден, потому что черное не может назвать белым и наоборот. Такие люди нигде не нужны, тем более

— Евгений Семенович, говорят, вы совсем не знаете Крым. Неужели так редко у нас бывали?

— Всем Крым запоминается прежде всего как здравница, место отдыха. А я никогда не отдыхал. Был как-то пару дней с концертами в Ялте, еще три дня на стемках в Феодосии. Но с теми, кто держит эту землю на своих плечах, видется не доводилось. Хотя мечтал когда-то снять картину о крымских партизанах. Прочитал книгу Ильи Вергасова «В горах Таврии» и загорелся. Много перечитал литературы о партизанском движении, у меня даже в воображении какие-то эпизоды будущей картины вырисовывались. Но, к сожалению, сценарий не получился. Вы знаете, я ведь сам не писатель, а тех, кто делал мне сценарий, тянуло на штампы. Раз партизаны, обязательно подрывы поездов, поджоги... В общем, не получилось.

А в этот раз ехал в Крым с каким-то особым чувством. Знал, что буду выступать в хозяйствах, поэтому паузы между концертами волновали меня даже больше, хотелось ближе познакомиться с вашим краем. Что сказать... Я потрясен. Такое впечатление, что люди здесь чище, светлее, чем в столицах. Они менее политизированы, им не до митингов и забастовок: земля не простит праздности. Сегодня столько споров: нужен колхоз, не нужен. Я считаю, ради бога, пусть обрабатывают землю все, кто ее любит, но зачем же опять рушить то, что уже есть? Слава богу, ваши люди не поражены анархичностью, хаосом, который мне довелось наблюдать в других регионах.

— А как вы думаете, от чего это зависит? Может

быть, от привычного долготерпения крымчан?

— Мне с ходу объяснить трудно, для этого надо здесь пожить. Но, не считите меня идеалистом, мне кажется, у вас все еще ощущается влияние партийных комитетов, в хорошем смысле. Люди со мной ведь достаточно откровенны, я даже знаю, где все честно было, а где председатель устроил для артистов показуху, но я ни разу не услышал ни одного неуважительного слова в адрес партийных руководителей. Даже фестиваль, который проводился в Крыму, оказывается, организовал обком партии. Разве это плохо? Скоро уборка, людям нужны положительные эмоции, силы нужны. А где их взять, если на экранах телевизоров и в газетах один «разор». У меня самого в душе долго был разлад какой-то: что, думаю, моя партия помалкивает, притаилась и молчит. Пора выходить к людям, давно пора.

— К людям надо выходить с чем-то, предложить какую-то реальную программу...

— Я не думаю, что партия ничего не способна сделать в сегодняшних условиях, имея в своих рядах миллионы честных и высокообразованных людей. Не верю. Я никогда не изменял и не изменю партии. 40 лет тянул эту лямку и сегодня готов ей служить. Но я вижу, что меня не призывают. И не только меня. Главная беда нашего времени — забывчивость. Кому-то очень хочется вытравить из памяти людей все хорошее, доброе, человеческое, что несут в себе прошедшие годы. За что казнят сегодня мое поколение? Только за то, что мы пришли из застоя?

Но я до сих пор, извините, не понимаю, что такое застой.

Возьмем, к примеру, меня, так сказать, в контексте истории государства. Я всю жизнь как проклятый работаю. Когда партия призвала работников культуры ехать обслуживать целинников, без вопросов рванул туда, таскался по бездорожью, на грузовиках, в слякоть. Был убежден: надо поддержать людей в их мучительной работе. Партия сказала: надо ехать на БАМ. Я почти по всем станциям проехал. За счет собственных отпусков. У меня не было другого времени. Ни на целине, ни на БАМе, ни на строящихся гигантских заводах я не видел застоя, люди работали.

Застой был наверху, пусть простят меня наши вожди, но не в народе. А сейчас виноват всех коммунистов: это вы натворили. Я был однажды свидетелем мерзкой сцены, которая все во мне перевернула... Я о ней еще скажу. Как режиссер и актер все свои лучшие работы я сделал в застойный период. И не стыжусь этого. Сегодня конъюнктура выводит кинематограф на пошлость, на «чернуху», как народ ее прозвал. Я в этом не участвую, я не изменяю тем принципам и стремлениям, которыми молился. Для меня прежде всего — человек прекрасен. Человек не созерцающий, а делающий эту жизнь. Вот кто для меня настоящий герой. И все мои герои, колхозники, рабочие или директора заводов, все они были людьми активного действия. Я и сегодня ищу такого героя, вижу его в жизни, но почему-то он никого не интересует. Все бросилось показывать проституток, наркоманов, рэкетиров и прочую нечисть. Неужели это и есть свобода творчества, к которой мы так стремились? Я не хочу в этом участвовать. Зная мое страст-

егерь, который знает, что в лесу делается, как развлекаются некоторые «господа», дискредитирующие Советскую власть и партию. В фильме есть женская роль, которую ярко и самобытно, как только она одна это умеет, сыграла Ольга Михайловна Остроумова. Картина вышла на экраны, но ни в одном из городов, где мне довелось бывать в последнее время, я ее в афишах не встречал. Сегодня у всех страсть к американскому кино. Я взял вчера газету «Крымская правда», ни в одном из девяти кинотеатров Симферополя — ни одного советского фильма! Ну что ж, эту «американизацию», наверное, надо пережить. И итальянцы, и французы в свое время тоже кричали: погибает отечественный кинематограф! Но, думаю, со временем переболею.

— Вас на каждой встрече спрашивают, что снимаете, где снимаетесь? Думаю, нашим читателям это тоже интересно.

— Я снялся сразу в двух фильмах. Первый называется «Место убийцы вакантно», где играю роль следователя, который под давлением вышестоящих начальников совершает бесчестный поступок и, не выдержав мук совести, кончает жизнь самоубийством. Мне он дорог, потому что это тоже трагедия поколения. Второй фильм называется «Клан», о сочинской мафии. В нем я играю роль пожилого Леонида Ильича Брежнева. Надо сказать, что с этим образом у меня связано немало драматических ситуаций. Когда пришло перестроечное время, мои друзья не преминули мне напомнить, что я играл «певца» застоя. Подыгрывал, мол, сильным мира. Хотя я никогда в жизни с Брежневым даже не

разговаривал, не говоря уже о том, чтобы пить чай. Кстати, фильм делался втайне от него. Я не хотел бы оправдываться, но я артист. Сегодня играю Леонида Ильича, завтра — Змея Горыныча. Это моя профессия. И сейчас, когда предложили сыграть его стариком со всеми характерными деталями, я поначалу отказался. А потом передумал. Буду играть Брежнева. У нас пошла мода всех бывших руководителей играть карикатурно, издеваясь, но я до такого «геройства» не опускаюсь. Чтобы не могли сказать, вот, мол, когда Брежнев был жив и при власти, так играл вдохновенно, а теперь вот как ерничает. В конце концов не один Брежнев виноват в том, что стало с нами.

— Евгений Семенович, что бы вы хотели пожелать читателям нашей газеты?

— Вы знаете, я бы пожелал набраться терпения. И работать. И еще бы я пожелал душевного покоя. Это значит — не поддаваться крайностям, не шарахаться из стороны в сторону. Чтобы потом не жалеть. Уверен, мы через 10—15 лет будем с ужасом вспоминать, что успели натворить за годы перестройки. Дойти до того, чтобы prospect Ленина переименовать в prospect Бандеры... На это даже моя неграмотная мама сказала бы: креста на вас нет!

Так вот, мне бы очень хотелось, чтобы люди сегодня больше думали, не кидались по первому горячему призыву влево или вправо. Сегодня это опасно, как никогда.

Беседу вела
Ольга ПРОНИНА.
Корр. «Правды Украины».
Крым.

Фото О. Кожуховского.

Matveyev Evgenius

11.7.91.